

Геннадий Иванович Дмитриев

---

*Я был
капитаном
Фицроем*

Записки пациента клиники для
душевнобольных

Геннадий Дмитриев

**Я был капитаном Фицроем.
Записки пациента клиники
для душевнобольных**

«Издательские решения»

Дмитриев Г. И.

Я был капитаном Фицроем. Записки пациента клиники для душевнобольных / Г. И. Дмитриев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968381-6

Во время учений терпит катастрофу бомбардировщик капитана Фирсова. Экипажу удаётся покинуть самолет. Капитана Фирсова подбирает натовский фрегат, и он вспоминает свою предыдущую жизнь, в которой он был командиром английского фрегата, капитаном Джеймсом Фицроем, но после конфликта с адмиралом вынужден был поднять чёрный флаг и стать пиратом. О приключениях капитана Фицроя в среде берегового братства и судьбе капитана Фирсова читайте на страницах этой книги.

ISBN 978-5-44-968381-6

© Дмитриев Г. И.
© Издательские решения

Содержание

Мария Петровна	6
Адмирал Пацюк	11
Капитан Джеймс Фицрой	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

**Я был капитаном Фицроем
Записки пациента клиники
для душевнобольных**

Геннадий Иванович Дмитриев

© Геннадий Иванович Дмитриев, 2019

ISBN 978-5-4496-8381-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мария Петровна

Мне никогда не приходилось бывать в Соединенных Штатах Америки, да и, по правде говоря, желания побывать там никогда не возникало, несмотря на тягу к путешествиям, меня не манили ни Париж, ни Лондон, ни Берлин, ни прочие знаменитые города. Известные достопримечательности Европы, Америки и иных материков меня не волновали. Страстного желания увидеть своими глазами картинки, которые чуть ли не ежедневно мелькали на телевизионном экране, у меня никогда не было, влекли меня к себе места дикие, неизведанные, полные тайн и загадок, но возможности посетить подобные места у меня не было, да и не могло быть, ведь профессия моя весьма далека от этого, я не был ни полярным исследователем, ни геологом, ни путешественником, а просто преподавал в университете вычислительную математику, хотя периодически я и ходил с рюкзаком по горам, но выше Ай-Петри и Роман-Кош забираться мне не приходилось.

Возможно, я никогда бы не побывал бы в Америке, если бы не случай. Как-то невзначай встретил я своего старого школьного товарища Игоря Ветлицкого, с которым учились в одном классе, и даже некоторое время сидели за одной партой. Я просто стоял на остановке десятого трамвая, на Тираспольской площади, и ждал, когда подойдет мой вагон, как вдруг кто-то меня окликнул. Я обернулся, но не сразу узнал его, с удивлением на лице тупо смотрел я на человека, обратившегося ко мне по имени, пытаюсь сообразить, где и когда я мог его видеть.

– Ну что, не узнаешь, старик? – лицо его расплылось в приветливой улыбке, – это же я, Игорь!

– Боже мой! – вырвалось у меня. – Никогда бы не узнал!

Время изменило нас, мы постарели, поседели, облысели, восторженный блеск, свойственный юности, давно потух в наших глазах, шутливое обращение друг к другу «старик», обрело суровую реальность, нас разбросало по разным местам, и я не виделся со своими одноклассниками со времени окончания школы. Игорь Ветлицкий волею судьбы очутился в Штатах, где преподавал в университете и занимался исследованиями в области ядерной физики. После школы он поступил на физический факультет МГУ, я же подался в родной Одесский университет имени Мечникова, на мехмат, а после аспирантуры и защиты кандидатской диссертации стал преподавателем. Особых высот в науке я не достиг, и скромная должность доцента кафедры вполне удовлетворяла меня. Но теперь и это уже в прошлом, я вышел на пенсию и занялся литературным творчеством. Иногда мои рассказы публиковали в местных журналах, но чаще всего они утопали в бездонном море литературных ресурсов интернета.

Игорь приехал в Одессу на несколько дней, проведать своих родственников, и видимо судьба распорядилась так, что мы совершенно случайно встретились на трамвайной остановке.

– Зайдем куда-нибудь, посидим, – предложил он.

– Куда? Сейчас все везде дорого, а у меня ресурсы перед пенсией практически на нуле.

– Помнишь мороженое с шипучкой в Городском саду?

– Помню, конечно, но сейчас там уже все по-другому, там крутой ресторан, не по карману.

– Да ладно, старик, не парься, найдем ресурсы.

Через несколько минут, оживленно беседуя, мы уже были у Городского сада. Там ничего не напоминало то, что было много лет назад, мы сели за столик, к нам подошел официант и застыл перед нами в ожидании заказа.

– Что Вам предложить?

– Бутылку белого шипучего и крем-брюле, – ответил я.

Официант не понял, лицо его изумленно вытянулось, немое недоумение застыло в глазах.

– Мой друг пошутил, – улыбнулся Игорь, – это подавали здесь лет сорок назад, во времена нашей юности. Принесите нам белого мартины и чего-нибудь сладкого, да, и мороженое, две порции.

Мы сидели, вспоминали наших школьных друзей, и после третьей рюмки Игорь, как бы в шутку, предложил мне приехать к нему в гости в Америку, а я, так же в шутку, отказался, но, когда бутылка мартины опустела, ему удалось уговорить меня, хотя я по-прежнему серьезно его предложение не воспринимал. Я был искренне удивлен, когда через несколько месяцев получил от него официальное приглашение и указание о том, где и как получить оформленный на мое имя билет. И вот я уже в аэропорту жду приглашения на посадку в самолет.

Посадку объявили, толпа пассажиров двинулась к перрону, на котором ожидал нас «боинг» какой-то американской авиакомпании, но перед самым самолетом нас остановили и вернули обратно в здание аэровокзала. Кто-то позвонил и сообщил, что в самолет заложена бомба, придется ждать, когда приедут саперы и обследуют самолет.

– Дурдом какой-то, – возмущенно сказал я женщине, стоявшей справа среди толпы пассажиров.

Она посмотрела на меня спокойным осуждающим взглядом и тихо спросила:

– А Вы сами когда-нибудь были в дурдоме?

– Да как-то не пришлось, – ответил я смутившись.

– А я тридцать лет проработала врачом психиатром в психоневрологической клинике.

– Простите, так, вырвалось, – ответил я, смутившись еще больше.

– Не извиняйтесь, сравнение с дурдомом – привычные стереотипы, а я там познакомилась с человеком, который стал мне очень дорог, он не был болен, его держали там по политическим соображениям.

– Диссидент? Это было в советские времена?

– Нет, диссидентом он не был, все сложнее, да и было это не так давно.

Примерно через час прибыла команда саперов, весь самолет обыскали, но бомбы нигде не нашли, чья-то злая шутка стоила авиакомпании немалых денег, а пассажирам и членам экипажа нервного напряжения. Нас снова пригласили на посадку. По случайному стечению обстоятельств, хотя сейчас я убежден, что произошло это не случайно, мое место оказалось рядом с местом этой женщины, врача-психиатра.

Она сидела справа от меня у иллюминатора. Загудели моторы, самолет тронулся и начал выруливать на взлетную полосу. Я посмотрел в иллюминатор, как убегают под крыло синие огни рулежной дорожки, и взгляд мой коснулся профиля соседки, очерченного лучами заходящего солнца на фоне овала стекла. Отсвет заката, промелькнувший в иллюминаторе при развороте самолета, заиграл в ее волосах золотистым цветом, на мгновение создав великолепный портрет, достойный кисти великих художников. Высокий лоб, ровный, с легкой горбинкой нос, плотно сжатые губы. Взгляд мой задержался на этом портрете, нарисованном последними лучами заходящего светила и дополненном моим воображением. Она обернулась, взгляд ее казался печальным, пронизанным какой-то невысказанной грустью, не той, что видится в глазах людей, навсегда покидающих родину, а иной, присущей некоторому типу людей с самого рождения, придающей выражению лица особую нежность и серьезность, не скрываемую даже улыбкой.

– Раз уж суждено нам вместе коротать время от взлета до посадки, то, пожалуй, нужно познакомиться, – сказал я и назвал свое имя.

Так мы познакомились, ее звали Марией Петровной.

– Впервые летите в Штаты? – спросила она.

– Да, первый раз, меня пригласил друг, одноклассник.

– Я в Америке уже бывала, но мне дальше, на острова Карибского моря.

– Частная поездка или деловая?

– Скорее частная, хотя... Я еду туда по просьбе человека, о котором говорила Вам. Это его последняя просьба, его больше нет в живых. Вам покажется странным. Вы верите в реинкарнацию?

– Мне приходилось читать о случаях, когда человек, при определенных обстоятельствах вспоминал свою прошлую жизнь. Но сам я ничего из прошлой жизни не помню, если она конечно была. Вопрос не в том, верить или не верить, многих явлений мы никогда не видели и не ощущали, но мы точно знаем, что они существуют. Мы видим само явление, но не можем его объяснить, возможно, это душа, нашедшая новую телесную оболочку, а возможно и нечто иное.

– Это хорошо, что Вы меня понимаете, тогда я смогу Вам рассказать, – она посмотрела на меня. Самолет уже вырулил на взлетную полосу, двигатели взревели, и во взгляде моей новой знакомой появилось некоторое напряжение.

– Бойтесь летать на самолетах? – спросил я.

– Да не то, чтобы боюсь, перелеты переношу спокойно, но моменты взлета и посадки несколько напрягают. – ответила она, – А Вы, я вижу, спокойны, Вам часто приходилось летать?

– Нет, когда-то летал в командировки, на отдых, но это давно, еще в советское время, а со времен развала Союза и исчезновения советской авиации, на борту авиалайнера я впервые.

– А я как раз наоборот, только недавно стала часто пользоваться авиационным транспортом, приходилось летать на конференции то в Штаты, то в Берлин, то в Копенгаген, даже в Корею и Японии побывала, – самолет оторвался от полосы и начал набор высоты, Мария Петровна тревожно сжала мою руку.

– Если взять статистику, то авиационный транспорт по аварийности занимает не самое первое место, ездить в автомобиле по оживленным городским улицам и по автомагистралям гораздо опаснее, чем летать на самолетах, – успокоил ее я, – сейчас наберем высоту, сможем отстегнуть ремни и почувствовать себя более свободно.

– Ваша работа как-то связана с авиацией? – спросила она, – Вы, я вижу, чувствуете себя на борту самолета, как в родной стихии.

– Нет, никак не связана, но еще когда был студентом, занимался в аэроклубе, летал на планерах и на самолетах, так что авиация – это моя давняя любовь. Я в университете преподавал, вел научно-исследовательские работы, и по роду своей научной деятельности приходилось работать над информационными проблемами. Так вот по поводу реинкарнации у меня возникли определенные соображения, хотите поделюсь? – продолжил я начатый разговор.

– Я занималась этими вопросами, как психолог, с интересом выслушаю Ваши соображения.

– Сущность нашей жизни, как и жизни вообще, составляют не только химические и биологические процессы, информационные процессы не менее важны, вся жизнь, от амебы до человека – процесс управления, это информационный процесс. Академик Вернадский ввел понятие ноосферы, содержащей информацию обо всем, что происходит на Земле. Информация, как и энергия не исчезает, все наши мысли сохраняются вне нашего тела и вне нашего сознания на неких носителях. Что это за носители, нам до конца неизвестно, то ли электромагнитные, то ли торсионные поля, но суть в том, что информация, накопленная в течение жизни человека, после его смерти на этих носителях остается. Мозг содержит только оперативную память, память же долговременная находится вне человеческого тела, сознание, или подсознание содержит ключ доступа к участкам на внешних носителях, выделенным именно этому человеку. Если каким-то образом формируется ключ доступа к участку памяти человека, жившего много лет назад, то мы видим явление реинкарнации. Это, так сказать, технический взгляд на проблему.

– Интересная мысль, с техническим взглядом я еще не встречалась. Психология изучает душу, но ни психологи, ни священники толком так и не могут сказать, что представляет собой душа, Вы рассматриваете всё с точки зрения информации, но, что такое душа?

– Душа – это тоже информационная сущность. Она бессмертна, поскольку информация, накопленная при жизни человека, не исчезает, а остается там, на внешнем носителе. Я говорю упрощенно, в терминологии компьютерных систем, все гораздо сложнее, а может быть наоборот, всё гораздо проще, всё может быть настолько просто, что мы будем удивлены, когда узнаем истину.

– Думаете, когда-нибудь человечество узнает истину?

– Я в этом не сомневаюсь, человечество непременно узнает истину, если поднимется в своем развитии до того уровня, когда способно будет воспринять знания об устройстве мира, воспринять так, чтобы не погубить этот мир. Это, как ребенку не дают играть со спичками и другими опасными предметами, пока он достигнет определенного возраста, так и человечеству нельзя еще знать то, что оно может употребить себе во вред.

– А как же ядерная энергия? Ядерного оружия уже накопилось достаточно для того, чтобы уничтожить нашу планету.

– Существуют энергии на сотни порядков мощнее ядерной, можно уничтожить не только нашу планету, но и весь мир. А вот, когда духовный уровень развития человека достигнет должной высоты, знания придут, придут неожиданно, как озарение, всё окажется настолько просто, что будет странно, как до этого никто не додумался. Человек сможет силой своих мыслей делать то, что не может сделать с помощью самых мощных технических средств. Но не об этом я хотел сказать, говоря в терминах вычислительных систем, душа – это информация, человеческий мозг – некий процессор для обработки этой информации, кроме них существуют и программы, алгоритмы, которые управляют работой процессора. Все три компонента могут существовать только в единстве, мир не двоичен, как нас пытались убедить, помните основной вопрос философии?

– Что первично? Материя или сознание?

– Этот вопрос не имеет смысла, потому, что двоичное представление о мире не отражает его сущности. Основа мира – материя, информация и мера, наши предки, знания которых представлялись нам примитивными, были не так наивны, как нам кажется. Они считали, что мир состоит из яви, нашего материального мира, нави, мира духов и Богов, некой информационной составляющей, и прави, мира законов, по которым вселенная живет и развивается, иначе говоря, программного обеспечения или меры. Исходя из этого, я думаю, что реинкарнация – явление информационное.

– Мы говорим с Вами в различных терминах, но говорим об одном и том же. Я была близко знакома с человеком, который вспомнил свою прошлую жизнь. Это был командир бомбардировщика, Андрей Николаевич Фирсов, его сбили, он был ранен в грудь, и вспомнил, что когда-то, несколько столетий назад, был пиратом, он погиб от осколка ядра, даже ранение было похоже. Его сочли душевно больным и положили в нашу клинику, но это не было болезнью. Он в совершенстве владел английским, хотя до этого его вообще не знал, даже в школе учил немецкий, причем, говорил он не на том английском, которым говорят современные англичане или американцы, он говорил так, как говорили в средние века. Он рассказывал подробности, о которых не мог прочесть нигде в исторической литературе.

– Почему же его держали в больнице? Вы говорили, на то были политические причины?

– Он был опасным свидетелем, если бы всё, что с ним произошло, стало достоянием гласности, мог бы разразиться международный скандал. Теперь его уже нет в живых, и лечу в Америку, а потом на острова, где он нашел пристанище, став пиратом, там он оставил девушку, которая смогла спасти его от петли. Что стало с ней, он не знает, очень просил меня разузнать что-либо о ее судьбе. Понимаю, это не реально, но это была его последняя просьба.

– Как же Вы будете искать следы той девушки? Прошли века, разве можно что-либо найти через столько времени?

– Я тоже думала, что это не реально, ехать в чужую далекую страну и искать следы человека, о котором толком-то и не знаю ничего – даже не авантюра, просто никаких шансов, не за что-либо зацепиться. Но случай помог, после знакомства с Андреем Николаевичем я стала серьезно заниматься проблемами реинкарнации, познакомилась со многими учеными, которые эти вопросы исследуют, среди них люди различных специальностей: психиатры, психологи, историки. Побывала в разных странах, общалась и с исследователями, и с теми, кто помнил свои предыдущие жизни, были люди, которые помнили не одну прошлую жизнь.

А недавно получила письмо от женщины, врача-психиатра, она также занимается вопросами реинкарнации, и живет на том самом острове, где оставил капитан свою девушку. Обещала помочь. У нее есть информация о том, что происходило на этом острове триста лет назад, у нее есть знакомые, вспомнившие свою предыдущую жизнь именно там, на том острове и в то время. Очень надеюсь на успех своих поисков.

Когда мы расставались с Марией Петровной, она, узнав, что я немного занимаюсь литературой, оставила мне записки капитана Фирсова Андрея Николаевича, сделанные им в клинике для душевнобольных. Записки эти заинтересовали меня, и я решил их опубликовать, поскольку родственников Андрея Николаевича разыскать мне не удалось, то думаю, что меня не обвинят в плагиате или ином нарушении авторских прав.

Записки эти были отрывочны, не систематизированы, и для того, чтобы у читателя сложилась цельная картина событий, мне пришлось дописать несколько глав. Что касается записей Андрея Николаевича о своей прошлой жизни, то я обнаружил в них некоторые несоответствия тем историческим сведениям, которые изложены в доступных мне документах. Так, например, Андрей Николаевич пишет о губернаторе острова Тортуга, Левассере и о капитане Эдварде Тиче, по прозвищу Черная борода, как о людях, живших в одно и то же время, однако, по моим сведениям, Франсуа Левассер был губернатором острова с 1640-го по 1652 год, а известный пират Эдвард Тич окончил свою разбойничью карьеру, пав в последнем своем бою, в 1718 году. Но я не считал возможным менять что-либо в переданных мне записях, поскольку повествование мое не претендует на историческую достоверность, а все, о чем писал Андрей Николаевич, хотелось бы сохранить без существенных изменений. Впрочем, Израэль Гендс, штурман капитана Тича, о котором пишет Андрей Николаевич, и чье имя упоминается в романе Стивенсона «Остров сокровищ», личность в истории известная, он единственный из команды капитана Тича, избежавший смертной казни, поскольку не участвовал в последнем рейде капитана.

Относительно описания в романе событий, происходивших в современной Украине, то сразу хочу предупредить читателя, что автор не располагает никакими документами, подтверждающими то, о чем пойдет речь, всё наше повествование основано на записках человека, находившегося на излечении в клинике для душевнобольных, или, попросту говоря, в сумасшедшем доме.

Адмирал Пацюк

Вице-адмирал Виталий Игнатьевич Пацюк встречал в аэропорту Борисполь группу генералов и офицеров НАТО, что прилетали для проведения совместных учений. Встречал, естественно, не один, в первых рядах встречающих были Президент и Министр обороны, а он, адмирал Пацюк, был где-то на задних ролях, но он-то знал, скоро все изменится, ведь он один из тех, кто будет руководить ходом учений со стороны Украины.

Дул резкий порывистый ветер, пронося рваные клочья облаков над аэропортом. Группа встречающих стояла прямо на летном поле, возле перрона, куда должен был зарулить после посадки натовский «боинг». Было довольно прохладно для лета, ветер хлестал по лицам встречающих, щеки и глаза их покраснели, можно было бы подождать в здании аэровокзала, но Президент стоял молча, время от времени приглаживая взерошенные ветром волосы, и никто не осмеливался прервать его упрямое, настойчивое молчание. Адмирал уже начал опасаться того, что самолет не прилетит, или не сможет приземлиться в такую погоду, но высказать свои опасения никому не посмел.

Самолет всё-таки прилетел, хотя и со значительным опозданием, он приземлился, подрулил к перрону, двигатели умолкли, и к самолету подали трап. Встречающие выстроились у трапа в две шеренги, адмирал оказался во второй, он подобострастно вглядывался в лица натовских генералов, надеясь, что кто-то обратит на него внимание, но внимания на него не обратили и руки Виталию Игнатьевичу никто не подал. «Ничего, ничего, – утешал он себя, – все еще впереди».

В недавнем прошлом Виталий Игнатьевич Пацюк служил в Севастополе, в штабе флота, ему не пришлось ни разу ощутить под ногами качающуюся палубу боевого корабля, вся служба его, от лейтенанта до капитана второго ранга, прошла в стенах здания, в котором располагался штаб. Особыми способностями он не обладал, но считался хорошим офицером и вполне успешно продвигался по служебной лестнице. Он всегда был гладко выбрит, аккуратно пострижен, наглажен, имел образцовый внешний вид, отличную строевую выправку, мог четким, бодрым, хорошо поставленным командным голосом доложить начальству по существу вопроса, и был тем образцом подчиненного, которые обычно нравятся начальникам и командирам.

Сложных задач, требующих нестандартного мышления, ему не ставили, для этого находились другие офицеры, но если нужно было произвести хорошее впечатление на вышестоящее командование, то тут ему не было равных. Получалось что те, кто мог хорошо работать, везли на себе весь груз непростых задач и находились в тени, а он, Виталий Игнатьевич Пацюк, был всегда на виду.

Так дослужился он до капитана второго ранга, но дальше его карьерный рост остановился. Начальником отдела штаба, где довелось служить Виталию Игнатьевичу, совершенно неожиданно назначили боевого офицера, командира корабля, переведенного по состоянию здоровья на штабную работу, капитана первого ранга Федора Ивановича Корнеева. Пацюка Федор Иванович сразу же невзлюбил, он считал его выскочкой, штабной крысой, внешний лоск подчиненного на него, боевого офицера, побывавшего не раз в горячих точках, впечатления не производил. Корнеев, в отличие от прежнего начальника, ставил Пацюку задачи, с которыми он справиться не мог, и ореол хорошего исполнительного офицера стал постепенно блекнуть.

В карточке взысканий и поощрений у Виталия Игнатьевича стали появляться записи о выговорах, чего прежде никогда не было, и он понял, если не произойдет чуда, то вскоре он может быть переведен со штаба флота куда-нибудь к черту на кулички с понижением в должности, а то, не дай Бог, и в звании. Ждать чуда, особенно, когда карьера рушится на глазах, занятие утомительное и безнадежное, и Виталий Игнатьевич решил во что бы то ни стало сотворить чудо своими руками. Он искал случая, и вскоре случай ему представился.

Однажды Виталий Игнатъевич вошел в кабинет своего непосредственного начальника капитана первого ранга Корнеева с каким-то пустяковым вопросом, кабинеты их были рядом, но Федора Ивановича в кабинете не оказалось. Дверь была открыта, понятно, что начальник отлучился буквально на минуту и вот-вот вернется. Виталий Игнатъевич быстро цепким взглядом осмотрел кабинет, на столе лежал секретный приказ по флоту, это была удача, удача, которой может больше и не представится. Его начальник вышел, не успев убрать в сейф секретный документ с которым работал. Воровато оглядевшись, Пацюк сгреб документ со стола и сунул во внутренний карман кителя, потом быстро вышел и вернулся в свой кабинет. В коридоре никого не было, никто не мог видеть что он заходил к Корнееву.

Виталий Игнатъевич сидел за столом, отирая со лба холодный пот, ему казалось что лацкан кителя слишком оттопырен, но вытащить документ из кармана и спрятать в стол нельзя. Он встал, подошел к маленькому зеркалу, что висело на стене, и внимательно осмотрел себя. Нет, все нормально, никто не заметит что в кармане что-то лежит. Он успокоился, сел за стол. Через несколько минут дверь кабинета открылась, вошел Федор Иванович.

– Виталий Игнатъевич, – спросил он, Корнеев называл сослуживцев не по званию, а по имени отчеству, как было принято еще старые времена в русской армии и на флоте, – Вы не заметили случайно, ко мне в кабинет никто не заходил?

– Нет, не слышал, чтобы кто-то заходил к Вам, а что случилось?

– Да, понимаете, Виталий Игнатъевич, неприятность такая вышла, у меня со стола секретный документ пропал, сам виноват, конечно, вышел на минутку, документ на столе оставил и кабинет даже не закрыл, возвращаюсь, документа на столе нет.

– Может Вы его в сейф положили, или среди бумаг где?

– Да, смотрел уже, везде смотрел, ничего не понимаю.

– Да, успокойтесь, товарищ капитан первого ранга, найдется, куда он может деваться? Думаю, никто его не брал, сами, наверное, куда-нибудь положили, вспомните.

– Да на столе лежал, точно помню. Неужели уже склероз до такой степени... – проворчал Федор Иванович и вышел.

Виталий Игнатъевич потрогал рукой карман, где лежал секретный приказ по флоту, руки дрожали, мысли путались, только бы никто не заметил его состояния, только бы скорее закончился этот день. Но день, как на зло, тянулся ужасно долго, его вызвал Корнеев по какому-то вопросу, но отвечал Пацюк начальнику как-то путано, невпопад.

– Что с Вами, Виталий Игнатъевич? Вид у Вас какой-то нездоровый.

– Похоже, простыл немного, температура, видимо.

– Сходите к врачу, возьмите освобождение, нельзя так легкомысленно к своему здоровью относиться.

– Да ничего, товарищ капитан первого ранга, пройдет.

Виталий Игнатъевич возможно и пошел бы к врачу, чтобы пересидеть несколько дней дома, пока не утихнет шум с пропажей документа, но у врача нужно будет раздеваться, снимать китель, вдруг врач заметит документ, торчащий из внутреннего кармана? А если врач поймет, что у него не простуда, а состояние его вызвано совершенно другим? Может возникнуть подозрение. Нет, никуда ходить не надо.

Виталий Игнатъевич постоянно поглядывал на часы, как медленно тянулось время. И наконец-то день этот закончился, Виталий Игнатъевич собрался, сдал секретные документы, закрыл дверь кабинета, опечатал ее и направился в выходу. Для того чтобы выйти из штаба, нужно было пройти два поста, что если Федор Иванович поднял тревогу, и начальник штаба отдал приказ часовым досматривать всех, кто выходит? Тогда всё. Конец. Конец не только карьере, конец всему. Это трибунал. Но опасения его оказались напрасными, его никто не досматривал, матрос, стоящий на посту, посмотрел пропуск и отдал честь.

Придя домой, он быстро, нервным движением сорвал с себя китель, вытащил из кармана документ и бросил на стол. Потом снова схватил документ, не зная что с ним делать, около минуты он стоял посреди комнаты в нерешительности, затем пошел на кухню. Положил приказ в раковину и дрожащими руками стал зажигать спички, спички ломались, гасли, никак не хотели гореть, наконец ему удалось поджечь плотные листы бумаги, документ вспыхнул, и, поднимая ввысь струйку черной копоти, сгорел. Виталий Игнатьевич тщательно перетер пепел пальцами в порошок, смыл его в раковину, затем вымыл раковину и руки. Все было кончено, документ был окончательно уничтожен, теперь уже никто и никогда не сможет отыскать его следы.

Виталий Игнатьевич открыл форточку, но на кухне все равно стоял стойкий запах паленой бумаги. «Боже мой! – подумал он. – Сейчас придет с работы жена, как я ей объясню, почему я жег бумагу?». Виталий Игнатьевич достал сигарету и закурил чтобы хоть как-то перебить запах паленой бумаги, он раньше в квартире никогда не курил, выходил на лестничную площадку. Только он докурил, загасив окурочек, как раздался звонок в дверь.

«Жена!» – подумал он и бросился открывать. Жена вошла и, с порога понюхав воздух, сказала:

- Виталик, ты что, уже в квартире куришь? Совсем обнаглел!
- Извини, Галочка, перенервничал, неприятности на работе.
- Мог бы прекрасно нервничать на лестнице, а что случилось? У тебя неприятности?
- Да нет, не у меня, начальник мой, каперанг Корнеев секретный приказ потерял.
- Ну а ты тут причем? Тебе-то что нервничать?
- Он думает, что это я взял у него документ, маразматик старый.
- Он тебе так и сказал? Он тебя подозревает?
- Да ничего он мне не говорил, но я вижу, он на меня думает.
- Глупости это всё! Думает он! Для такого обвинения факты нужны, домыслы тут не проходят, не забывай, что жена твоя в военной прокуратуре работает. Так что нечего тебе нервничать, а хочешь нервничать, бери сигарету и иди на лестницу, нечего в квартире дымить.

Конечно, в краже документа Виталия Игнатьевича никто не подозревал, все его считали честным, порядочным офицером, общее мнение сходилось на том, что Федор Иванович сам куда-то положил документ и забыл. Назначили комиссию, но комиссия, естественно, пропавшего документа нигде не обнаружила. Капитана первого ранга Корнеева приказом начальника штаба предупредили о неполном служебном соответствии. Но этим дело не закончилось, персональное дело Федора Ивановича было рассмотрено на партийном собрании, которое вынесло коммунисту Корнееву строгий выговор с занесением в личное дело.

Единственным, кто выступил на собрании в защиту Федора Ивановича, был Виталий Игнатьевич Пацюк. После собрания Федор Иванович пожал руку своему подчиненному и сказал, слегка прослезившись:

- Спасибо Вам, Виталий Игнатьевич, спасибо, Вы честный, порядочный человек, простите, что был к Вам излишне строг. Не зря говорят, друзья проверяются в беде.

Если бы знал Федор Иванович, кто был причиной его беды! Боевой офицер, бывалый моряк капитан первого ранга Корнеев не выдержал этого потрясения и подал рапорт об увольнении. Не строгость наказания сломала его, его убивало то, что он, боевой офицер, не мог вспомнить того что делал, куда девал документ, если он не может контролировать свои поступки, то всё, нужно уходить в запас.

А когда стал вопрос о назначении нового начальника отдела, лучшей кандидатуры, чем Валерий Игнатьевич Пацюк, найти не смогли, его честность и принципиальность, горячее выступление на партийном собрании в защиту своего начальника сделали свое дело. Возможно выше капитана первого ранга он бы никогда не поднялся, если бы не развал Советского Союза и разделение Черноморского флота. На Украине ему предложили адмиральскую должность,

и он, естественно, колебаться не стал. Так Валерий Игнатьевич Пацюк получил сначала вожделенную должность, а потом и звание.

Капитан Джеймс Фицрой

«Габриэла», сделав поворот оверштаг, ушла с линии огня, чтобы подойти к противнику с наветренной стороны. «Инфанта» горела, «Виктория» – флагманский корабль лорда Бэкона, потеряв грот-мачту и бизань, отчаянно сопротивлялась огню испанской эскадры. На «Фицджеральде», также получившем повреждения, отвечали одним выстрелом на три испанских. И только «Габриэла» под командованием капитана Фицроя, сохранив способность маневра, смогла внести перелом в ход сражения, победа испанцев в котором казалась очевидной. В результате испанцы оказались между огнем «Виктории» и «Фицджеральда» с одной стороны, и «Габриэлы» – с другой. Ядро с «Габриэлы» попало в пороховой погреб испанского флагмана, и он в одно мгновение превратился в облако дыма, из которого в разные стороны летели обломки рангоута и обрывки такелажа. Не сбавляя ход, «Габриэла» поравнялась с другим галеоном и мощным бортовым залпом смела всё с его палубы. Грот мачта испанца рухнула, и судно получило крен, который лишил его возможности вести прицельный огонь. Третий галеон был взят «Габриэлой» на абордаж, четвертому удалось уйти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.